

Шмагин Дмитрий Владимирович

"НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ 17 ИЮНЯ" В ГДР КАК ОТПРАВНАЯ ТОЧКА ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ "ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ" ФРГ

Автор рассматривает информационное влияние массовых антиправительственных выступлений 17 июня 1953 года в ГДР на общественно-политическую жизнь ФРГ. В ходе обсуждения событий в Восточной Германии западногерманскими средствами массовой информации было выработано несколько интерпретаций. Некоторые из них впоследствии легли в основу "исторической политики" Западной Германии и существенно изменили отношение немцев к своей политической истории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-3/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. III. С. 190-194. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Таким образом, в рассматриваемый период Советское государство проводило большую работу по вопросам формирования и развития системы строительства пограничных войск ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД, что позволило создать одни из лучших в мире войска и органы государственной безопасности, а также систему охраны границ страны.

Возрастание и усложнение задач по охране государственной границы, дальнейшее совершенствование организационной структуры войск, насыщение их современной боевой техникой способствуют возрастанию роли и значения науки в определении форм, методов и принципов охраны государственной границы, требуют повышения научного уровня руководства деятельностью современных пограничных органов ФСБ России.

Список литературы

1. Брижик А. Н. Пограничные войска советского государства. История и проблемы строительства. 1918-1941 гг. М.: ВППК, 1988. 246 с.
2. В. И. Ленин и охрана государственной границы СССР: сб. док. и статей. М.: Воениздат, 1970. 392 с.
3. Декреты Советской власти: 11 июля – 9 ноября 1918 г. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1964. Т. 3. 664 с.
4. Документальный фонд Центрального пограничного музея ФСБ России. П. 8.
5. Из истории войск ВЧК и пограничной охраны: док. и материалы. 1917-1921 гг. М.: Воениздат, 1958. 522 с.
6. Летопись пограничных войск КГБ СССР: сб. документов. М.: Воениздат, 1981. 576 с.
7. Макаров Н. И., Барышев Ф. И. Развитие тактики советских пограничных войск: учебное пособие. Изд-е 2-е, перераб. М.: ВППК, 1988. 258 с.
8. Ф. Э. Держинский и охрана границ Советского государства: сб. док. и статей. М.: Политиздат, 1977. 342 с.

**THEORY AND PRACTICE OF FRONTIER FORCES CONSTRUCTION SYSTEM FORMATION
AND DEVELOPMENT IN THE SOVIET UNION (1922 – JUNE 1941)
(BY MATERIALS OF THE FAR EAST)**

Shiryayev Vladimir Aleksandrovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Khabarovsk State Pedagogical University
shiryayev1955@rambler.ru

Grigor'ev Vladimir Nikolaevich, Doctor in Military Sciences
Pacific State University
prorab69@rambler.ru

The authors conduct the scientific analysis of the theory and practice of frontier forces construction formation and development in the Far East, which main function was to protect the Soviet border during military conflicts at the Far Eastern borders in the 1920s - the first half of the 1940s, and reveal the features of frontier security organization at the Soviet Far Eastern borders.

Key words and phrases: the Far East; frontier guards; frontier forces; construction system; smuggling.

УДК 327.8

Политология

Автор рассматривает информационное влияние массовых антиправительственных выступлений 17 июня 1953 года в ГДР на общественно-политическую жизнь ФРГ. В ходе обсуждения событий в Восточной Германии западногерманскими средствами массовой информации было выработано несколько интерпретаций. Некоторые из них впоследствии легли в основу «исторической политики» Западной Германии и существенно изменили отношение немцев к своей политической истории.

Ключевые слова и фразы: ФРГ; «историческая политика»; «народное восстание 17 июня» в ГДР; мифологизация прошлого; политическая история.

Шмагин Дмитрий Владимирович

Российский университет дружбы народов
shtmagin@gmail.com

**«НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ 17 ИЮНЯ» В ГДР КАК ОТПРАВНАЯ ТОЧКА ФОРМИРОВАНИЯ
И РЕАЛИЗАЦИИ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ» ФРГ[©]**

С момента объединения Германии «народное восстание» 17 июня 1953 года является одной из наиболее исследуемых тем истории ГДР как одно из самых важных событий политической истории Восточной Германии. Необходимо подробно рассмотреть влияние, которое оказали само событие и его восприятие на политическую практику правительственных кругов ФРГ.

В соответствии с официальной интерпретацией, события 17 июня 1953 года характеризовались в самой ГДР как «империалистические происки», спровоцированный извне «контрреволюционный фашистский путч».

Социально-политические последствия данных событий, а также дальнейшие настроения граждан ГДР интенсивно обсуждались в Западной Германии до конца 1953 года. Однако действия политических партий ФРГ по отношению к этим событиям носили неоднозначный характер и во многом являлись борьбой за политическую власть.

Первый документальный доклад о событиях, содержащий их детальные описания, был выпущен Федеральным министерством по общегерманским вопросам под заголовком «Народное восстание 17 июня» [6].

Кроме того, резко возросший поток беженцев из Восточной Германии после 17 июня означал для ФРГ выигрыш в политической и идеологической легитимности [2, S. 50]. В течение последующих лет число публикаций, посвященных восстанию, неуклонно росло. Целью данных книг была делегитимация политического режима в ГДР, а также формирование антикоммунистических настроений у западногерманских рабочих.

Внимание к теме «17 июня» на политическом уровне было лишь видимой частью. Опыт и осмысление этих событий должны были сформировать целое поколение политически мыслящих и политически активных людей [3, S. 75]. Многие из западных немцев не могли оставаться в стороне от данной темы: у 44% граждан ФРГ были родственники или друзья в ГДР [10, S. 313]. «Народное восстание» стало последним крупным общегерманским событием вплоть до строительства в 1961 году Берлинской стены, которое привнесло в сознание общественности тему нации. Как отмечает Х.-П. Шварц, среди западных немцев господствовало мнение, что объединение Германии возможно в скором будущем, даже если не существует четкого плана действий [13, S. 461]. Начиная со «Дня икс», объединение оставалось обсуждаемой общественной темой. Параллельно, с момента создания министром по общегерманским вопросам Якобом Кайзером 24 марта 1952 года Исследовательского совета по вопросам воссоединения Германии, за закрытыми дверями шла разработка этапов программы немедленных действий на случай объединения [17, S. 71].

Непосредственно в день восстания ни один комментарий и ни одно сообщение не могли скрыть большого удивления этим событием. Шеф-редактор западноберлинского издания «Берлинер моргенпост» Хельмут Майер-Дитрих в своем выступлении сказал: «Если бы мне вчера кто-то рассказал, что жители Берлина с камнями и дубинами оседлали советские танки, – заметьте, стреляющие танки, – то я бы объявил его сумасшедшим» [Цит. по: Ibidem]. Причиной удивления было то, что восточных немцев считали потерянными, особенно молодых, которые «родились в тоталитарном государстве Гитлера и выросли в тоталитарном государстве СЕПГ» [7]. В сообщениях отчетливо отражалась мысль о том, что восточные немцы, вопреки сильному идеологическому влиянию режима, остались частью немецкой нации и свободолюбивыми людьми.

Восстание 17 июня 1953 года также способствовало снятию на Западе обеспокоенности «коммунистической угрозой». Люди из восточной «зоны» перестали казаться «другими», стало понятно, что не может быть речи о 19 миллионах необратимых людей. Уместная и политическая устойчивость граждан Восточной Германии проявилась наглядно [Ibidem]. Ментальная, социальная и политическая общность немецкого народа не была разрушена.

В отношении восстания появлялись интерпретации, происходившие от идеи освободительных войн против наполеоновского господства. Образ воодушевления Европейской революцией 1849 года и Битвы народов принадлежал к событиям, передававшимся из поколения в поколение и твердо укоренившимся в коллективной памяти немецкого народа, а также часто эксплуатировавшимся «исторической политикой» нацистов. Идеализированное событие было сильно «заряжено» опытом нацизма. Постоянно повторяемая в то время цитата одного из самых популярных немецких писателей периода освободительной войны 1813 года Теодора Кёрнера «Народ воспрянет, грянет буря» несла впечатление борьбы за самоопределение народа. Когнитивное и эмоциональное возвращение к кажущемуся нефальсифицированным национальному переживанию, к патриотическому подъему против внешней угрозы производило положительное впечатление на многих. Однако большинство немцев вспоминали эту цитату в контексте знаменитой двухчасовой речи Йозефа Геббельса о тотальной войне, произнесенной в берлинском Дворце спорта 18 февраля 1943 года: «Воспрянь, народ, и пусть грянет буря!» [1].

Событие в Восточной Германии по-разному интерпретировалось в ФРГ, но эти интерпретации относились не столько к актуально-политической, сколько к исторической сфере. Произошло действие, в котором проступали связующие элементы и ценности общенемецкой идентичности. Восстание рассматривалось средствами массовой информации с разных сторон: выражение фундаментальных проблем немецкого общества, ответ на «германский вопрос». В ходе обсуждений были сформированы три интерпретируемых образа.

Первый, наиболее распространенный образ интерпретации носит название «первой истинной немецкой революции» [9, S. 35] – исторический масштаб восстания сопоставлялся с Французской революцией и взятием Бастилии 1789 года. Оба этих события являлись сигналами мирового значения. Особенно четко и выразительно описала эту взаимосвязь «гранд-дама политической журналистики ФРГ» Марион графиня Дёнхоф в газете «Цайт»: «14 июля 1789 года, когда жители Парижа штурмовали Бастилию, во время которой они потеряли 98 человек и освободили 7 пленников, они не подозревали, что этот день станет символом Французской революции. Он стал им, хотя все главные события: объявление прав человека, разработка конституции, упразднение монархии, отчасти произошли на годы позже. Возможно, когда-нибудь 17 июня 1953 года войдет не только в немецкую историю как великий символический день» [7]. Эффект первого антикоммунистического восстания считался весьма значительным. Многие были уверены, что так же, как и Французская революция 1789 года, устранившая деспотию абсолютизма и положившая начало эре революций XIX века,

первое восстание против диктатуры коммунизма положит начало целой эпохе подобных революций. В «народном восстании» многие видели проявление слабости тоталитарных режимов. Поэтому политический редактор кельнской газеты «Дойче Цайтунг» Вальтер Фредерика усмотрел в этом событии не только конец послевоенного времени, но и всеобщий духовно-исторический поворот.

Второй образ, использовавшийся для интерпретации восстания в ГДР в духе концепции антитоталитаризма, заключался в том, что данное событие сразу было приравнено к антигитлеровскому заговору 20 июля 1944 года. Разница состояла лишь в том, что в более позднем случае произошло восстание против диктаторов В. Ульбрихта, В. Пика и О. Гротевоя, тогда как в более раннем - против диктатора А. Гитлера. Во многих отношениях последствия подобного сопоставления обладали большой широтой воздействия. В политике и науке возникло мнение, что корни катастрофы нужно искать в периоде с 1933 г. по 1945 г. [12, S. 77]. Аналогичная аргументация применялась при оценке процесса советизации и политики ранней ГДР, т.е. они рассматривались как неизбежное следствие катастрофы 1933 года.

Повсеместное сопоставление нацизма и диктатуры СЕПГ, а не только теории тоталитаризма, глубоко проникло в западногерманское общество, но при опросах большинство немцев в ФРГ придерживалось мнения, что диктатура СЕПГ хуже диктатуры нацизма.

Третий образ интерпретации расположен в политико-моральной плоскости: 17 июня восстановило «национальное достоинство» Германии, подвергшееся унижению за нацизм. Антитоталитарное народное восстание стало закономерным событием, восполнившим отсутствие массового антигитлеровского сопротивления в «третьем рейхе». Берлинское восстание опровергало утверждение о том, «что немецкий народ не имеет внутренней силы оказывать сопротивление диктатуре и произволу, упрек, который часто возникал в прошлом» [17, S. 78], – говорилось, например, в редакционной статье Информационного бюро Федерального правительства.

Стремление к свободе части немецкого народа и его борьба против произвола и бесчеловечности приравнивались в глазах многих западных немцев к исторической реабилитации общегерманской нации. Из международного освещения произошедших событий западные немцы извлекли определенную выгоду, хотя являлись лишь сторонними наблюдателями. С 1950-х годов все громче звучали политические требования «очищения национального чувства» западных немцев [Ibidem, S. 79]. В качестве главных аргументов в пользу национальной реабилитации всегда приводятся мнения зарубежных авторов. Например, 23 июня 1953 года по каналу БиБиСи журналист Юлиус Холлос рассказывал: «17 июня имеет для Западной Германии особое значение. Так как впервые за многие, многие годы люди в Германии боролись за свободу. Это впечатление подавляюще выразительно, что с этого дня Германия снова занимает в сознании других народов достойное место... Германия с этого дня возвращается в круг западных народов... Германия и Запад в этот день впервые за 150 лет перестали быть противниками, а стали союзниками» [цит. по: Ibidem]. В особенности подобный тон был характерен для швейцарской прессы. Газета «Ди Тат» писала со ссылкой на 1848 год: «Берлинское восстание впервые за 100 лет доказало, что часть немецкого народа в безнадежном положении способна к революционному восстанию». В Европе уже давно считали, что среди немцев это невозможно. В этом неверии коренились глубокие сомнения «в наличии демократических взглядов» [цит. по: Ibidem, S. 80].

Позже, на основе третьей интерпретации появился один из главных оправдательных мифов современной Германии. Его главными элементами являются деятельность студенческой организации «Белая роза», разведсообщества «Красная капелла» и в особенности заговор высших офицеров «третьего рейха» с целью покушения на Гитлера.

Особую роль играет заговор 20 июля 1944 года – попытка покушения на Гитлера, ставшая важнейшим историко-политическим мифом. В современном политическом пространстве Германии участвовавшие в заговоре офицеры представляются героями. Их казнь – жертва, принесенная в борьбе за демократию. Хотя в действительности покушение на Гитлера было организовано не для установления демократии, а для устранения сдающего позиции диктатора и завершения построения немецкого рейха без него [Ibidem]. Таким образом, нацисты начинают рассматриваться как некая внешняя сила по отношению к населению Германии.

Принимая во внимание подобный коллективный национальный порыв, через некоторое время после восстания в Восточном Берлине и многочисленных городах ГДР Бундестаг ФРГ объявил об установлении «Дня немецкого единства» как «символа единства Германии в свободе» [4, S. 778], так это было закреплено в преамбуле закона от 4 августа 1953 года. Установление «Дня немецкого единства» и институционализация даты как национального «места памяти» считаются выражением надпартийного демократического согласия и единодушной демонстрацией общегерманской связи, выразившейся стихийной реакцией на одно из знаменательных событий в немецкой национальной истории [11, S. 329].

Но впечатление согласия может возникнуть только при поверхностном рассмотрении. Картина согласия политиков была фикцией. Уже существовал спор между правительством и оппозицией о дате федеральной церемонии в честь памяти жертв восстания [8]. Так как федеральный канцлер Конрад Аденауэр (ХДС) не был готов согласиться с инициативой социал-демократов, его обвинили в попытках помешать мощной общегерманской демонстрации солидарности рабочему классу [16]. Здесь наметилась линия раздела последующих дискуссий. То, как происходило установление «Дня немецкого единства», вызывало сильные разногласия у политических сил, поэтому не было уверенности в единогласном утверждении федерального закона об установлении «Дня немецкого единства».

Различные предложения фракций были переданы на обсуждение в комитет Бундестага по общегерманским вопросам и проблемам внутреннего управления. Первоначальные противоречия касались выработки

подходящего определения событиям в ГДР, но они не создали серьезных причин для разногласий. Наконец, Герберт Венер (СДПГ), председатель комитета Бундестага по общегерманским и берлинским вопросам, смог добиться принятия своего предложения «Дня немецкого единства», которое стало, таким образом, синонимом нового национального символа. Федеральный министр внутренних дел Роберт Лер (ХДС), федеральный канцлер К. Аденауэр (ХДС) и федеральный президент Т. Хойс (СвДП) были настроены скептически относительно выбора 17 июня как «Дня немецкого единства». «Могло бы быть, что возвышался день объединения, однако также могло бы быть, что возвышалось 17 июня» [5, S. 740]. На тот момент это не поддавалось объективной оценке ввиду эмоциональной близости к событиям [17, S. 83].

Все эти обстоятельства находились в косвенной связи с внутривнутриполитической борьбой в ФРГ и, в частности, с наличием у основных политических акторов полярных планов по германскому вопросу. То, что в ГДР рабочие открыто шли на баррикады и выступали за единство нации и против советского коммунизма, сделало 17 июня в глазах СДПГ социально-демократической революцией. Последовательной была проявленная и продолжительное время форсируемая СДПГ политическая инициатива установления национальной памятной даты, чем правящие партии ставились в невыгодное положение. Предложение институционализировать дату стало возможным после всего, что произошло и было услышано немцами из СМИ о революции, анти-тоталитаризме и достоинстве нации. Никто более не мог выступить против этого открыто. В противном случае подобное выступление означало бы политическое самоуничтожение.

Социал-демократы должны были постоянно удерживать проблему объединения в общественном сознании, чтобы федеральный канцлер Аденауэр не смог уйти от принятия этого закона. О произошедшем на Востоке говорили: «Так неповторимо в истории и так необыкновенно, что до шанса достигнуть единства Германии подать рукой» [Ibidem, S. 84]. По расчету социал-демократов, национальное «место памяти» должно было служить средством политической борьбы и мобилизации против политики западной интеграции канцлера Конрада Аденауэра. Оппозиционное наступление СДПГ соответствовало её политическим стремлениям – закрыть национальную «рану» немецкого разделения. Не в последнюю очередь это должно было быть общегерманским обращением к державам победительницам. В действительности же речь шла о борьбе за политическую власть и господство. Историческое понимание, политическая борьба и ожидаемая перспектива будущего – триада, на которой основывалось политическое внедрение национального «места памяти».

С начала предвыборной борьбы социал-демократы выдвигали требование активной политики объединения через участие нации в политической жизни. Во втором и третьем обсуждении закона о «Дне немецкого единства» 3 июля 1953 года докладчик Штефан Майер (СДПГ) и председатель Бундестага Герман Элерс (ХДС), как и политики всех фракций, неоднократно подчеркивали, что 17 июня – самое знаменательное событие в новейшей немецкой истории [Ibidem, S. 85]. Однако все они вкладывали в это очень разное содержание, руководствуясь своими политическими стратегиями. 4 августа 1953 года данный закон был подписан федеральным президентом.

На парламентских выборах в Бундестаг, состоявшихся 3 сентября 1953 года, вскоре после принятия закона о праздновании, социал-демократам удалось увеличить количество мест в Бундестаге со 136 до 162 [15], в то время как ХДС усилила свои позиции в парламенте лишь за счет образования коалиции с ХСС, СвДП и НП после выборов 1949 года [14].

«Народное восстание» праздновалось в ФРГ ежегодно 17 июня до 1990 года. После падения Берлинской стены 9 ноября 1989 года планировалось перенести празднование на эту дату. Однако из-за совпадения 9 ноября с датой «Пивного путча» 1923 года и общегерманских погромов 1938 года было решено приурочить празднование ко дню фактического объединения двух немецких государств – 3 октября.

Список литературы

1. **Речь о тотальной войне Й. Геббельса** / пер. с англ. яз. П. Хедрука [Электронный ресурс]. URL: http://www.zarubezhom.com/Total_War_gebbels.htm (дата обращения: 16.03.2013).
2. **Ackermann V.** Der «echte» Flüchtling. Osnabrück, 1995.
3. **Bahr E.** Zu meiner Zeit. Berlin, 1999.
4. **Bundesgesetzblatt Teil I Nr. 45.** Bonn, 1953.
5. **Der gesamtdeutsche Ausschuß.** Sitzungsprotokolle des Ausschusses für gesamtdeutsche Fragen des Deutschen Bundestages 1949-1953 / bearb. von A. Biefang. Düsseldorf, 1998.
6. **Der Volksaufstand vom 17. Juni 1953. Denkschrift über den Juni-Aufstand in der sowjetischen Besatzungszone und in Ostberlin.** Bonn, 1953.
7. **Dönhoff M.** Die Flammenzeichen rauchen [Электронный ресурс] // Die Zeit. 1953. 25 Juni. URL: <http://pdf.zeit.de/1953/26/die-flammenzeichen-rauchen.pdf> (дата обращения: 14.02.2013).
8. **Ein Fetzen Fahmentuch** [Электронный ресурс] // Der Spiegel. 1953. 24 Juni. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-25656545.html> (дата обращения: 14.02.2013).
9. **Faulenbach B.** Der 17. Juni 1953 in der deutschen Geschichte // Parak M., Eisel M. Der 17. Juni 1953 - Widerstand als Vermächtnis. Leipzig, 2003. S. 24-43.
10. **Jahrbuch der öffentlichen Meinung. 1947–1955** / hrsg. von E. Noelle, E.-P. Neumann. Allensbach, 1957.
11. **Schmidt H.-J.** Die deutsche Freiheit. Geschichte eines kollektiven semantischen Sonderbewusstseins. Frankfurt a/M: Humanities Online, 2010.
12. **Schulze W.** Deutsche Geschichtswissenschaft nach 1945. München: Oldenbourg, 1989.
13. **Schwarz H.-P.** Die Ära Adenauer. Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., 1983.

14. **Sitze der Parteien im 1. Deutschen Bundestag 1949** [Электронный ресурс] // Der Bundeswahlleiter. URL: http://www.bundeswahlleiter.de/de/bundestagswahlen/fruehere_bundestagswahlen/btw1949.html (дата обращения: 16.02.2013).
15. **Sitze der Parteien im 2. Deutschen Bundestag 1953** [Электронный ресурс] // Der Bundeswahlleiter. URL: http://www.bundeswahlleiter.de/de/bundestagswahlen/fruehere_bundestagswahlen/btw1953.html (дата обращения: 16.02.2013).
16. **Was in der Luft liegt** [Электронный ресурс] // Der Spiegel. 1953. 24 Juni. URL: <http://wissen.spiegel.de/wissen/image/show.html?did=25656544&aref=image035/E0245/SP195326-006-T2P-007.pdf> (дата обращения: 17.02.2013).
17. **Wolfrum E.** Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland. Darmstadt, 1999.

UPRISING OF JUNE 17 1953 IN THE GERMAN DEMOCRATIC REPUBLIC AS STARTING POINT OF FORMING AND IMPLEMENTING “HISTORICAL POLICY” OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

Shmagin Dmitrii Vladimirovich
Peoples' Friendship University of Russia
schmagin@gmail.com

The author considers the informational influence of the mass anti-authority actions of June 17 1953 in the German Democratic Republic on the social-political life of the Federal Republic of Germany. Several interpretations were developed in the course of the discussion of the events in East Germany by the West-German mass media. Some of them subsequently became a basis of the “historical policy” of West Germany and significantly changed the Germans’ attitude to their political history.

Key words and phrases: the Federal Republic of Germany; “historical policy”; uprising of 17 June 1953 in the German Democratic Republic; mythologization of the past; political history.

УДК 008:316.722

Культурология

В данной статье представлена историческая характеристика теоретических и методологических основ современной психоаналитически ориентированной культурологии. Рассматривается уникальное научное значение психоаналитической теории в контексте гуманитарного знания XX века. В работе охарактеризованы формы взаимного влияния психоанализа и современной культуры. Анализ истории формирования психоаналитического подхода в современной культурологии сочетается с теоретической аргументацией, подтверждающей актуальность психоанализа для современной гуманитарной науки.

Ключевые слова и фразы: психоанализ; культурология; невроз; общество; бессознательное; сновидение; культура.

Шукуров Дмитрий Леонидович, д. филол. н., доцент
Свирь Глеб Александрович
Ивановский государственный университет (филиал) в г. Шуя
shoudmitry@yandex.ru

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ[©]**

Работа выполнена в рамках научного проекта «Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века», поддержанного грантом Президента РФ на 2012–2013 гг. для молодых российских ученых – докторов наук (МД-420.2012.6).

В эпоху модерна, когда стали очевидны ограничения классической науки, не выходящей за рамки позитивистских традиций, в европейской культуре зародилось психоаналитическое учение. Психоанализ был реакцией на кризис классического рационализма. Изначально психоаналитическая теория формировалась в связи с исследованиями истории как психического заболевания, не имеющего органической этиологии. Постепенно это новое учение по-новому осветило многие феномены человеческой жизни. Сновидения как результат взаимодействия субъекта и культуры стали той исследовательской областью, через которую психоанализ перешел от изучения внутреннего мира личности к познанию социокультурных процессов и феноменов.

В настоящее время психоаналитическое учение считается самостоятельной областью научного знания, включающей естественнонаучную и гуманитарную составляющие в виде психотерапевтической, феноменологической, герменевтической, социально-философской и шире – культурологической экспликаций. Психоанализ в совокупности всех своих составляющих вступает в междисциплинарные связи с психологией, медициной, биологией, культурологией, социологией, философией и некоторыми другими науками, представляя уникальный инструмент научного познания и являясь неповторимым феноменом культуры XX – начала XXI века.

Цель настоящей работы – охарактеризовать процесс формирования теоретико-методологических основ современной психоаналитически ориентированной культурологии в историческом аспекте.